

6+

Владимир Комарьков

ИСПЫТАНИЕ

Владимир Валерьевич Комарьков

Испытание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66802868

SelfPub; 2022

Аннотация

Мальчик Гарри изо всех сил пытается изменить свою судьбу и вырваться со своей родной планеты.

Владимир Комарьков

Испытание

Гарри исполнилось десять, когда он уже твердо знал, что на родной планете ему делать нечего. На пыльном шарике, вращавшемся вокруг такой же обшарпанной звезды, расположенной в созвездии, о котором, как считал его учитель по физкультуре, нормальному человеку неприлично даже слушать новости по телевизору. Господи, да-да, именно по телевизору, потому что о голографических проекторах тут знали примерно столько же, сколько и о драконах. Зато разговоров про сеялки, опыление, орошение и рекультивацию он наслышался, наверное, на несколько жизней вперед. Что поделать, если тебе суждено родиться в аграрном мире, где никто не думал про галактические путешествия, гипердвигатели и прочую ерунду.

Его же сызмальства манили звёзды, точки, мерцавшие на ночном небе. Гарри мог часами стоять у распахнутого окна и смотреть в бездонную черноту, представляя, как путешествует в компании звезд. Они нашептывали ему свои удивительные истории, столь похожие на сказки, которые они с рождения слышали от бабушки Марты. Совсем уже дряхлая женщина, с трудом выбиравшаяся из дома по утрам, чтобы отдохнуть под теплыми утренними лучами солнца, по вечерам все реже находила в себе силы на то, чтобы утолить жаж-

ду приключений их небольшой компании. Они подчас про-
сиживали под ее окнами допоздна, но входная дверь так и
оставалась весь день на замке. И тогда они уныло располза-
лись по домам, и даже Финн (коротко от Финниган), заводила
и непоседа, вечная головная боль своих родителей, даже
этот дерзкий мальчишка, уходил в темноту молча, угрюмо
пиная разбитыми мысками ботинок мелкие камушки на до-
роге.

Бабушка Марта знала, как подбодрить каждого из них, и
ей было известно, как они расстраивались, когда у нее не на-
ходилось сил выбраться из дома. Но возраст брал свое – здо-
ровье хозяйки все чаще напоминало погоду на этой части
побережья, и даже солнце не могло согреть ставшие хрупки-
ми кости. Внутрь ребята заходить не осмеливались – пожи-
лая женщина жутко сердилась, когда кто-нибудь пересекал
порог ее жилища. Она выходила из себя и тогда неделю, а то
и больше могла не показываться на божий свет. Из-за этой ее
прихоти детьми строились десятки предположений, но они
не рисковали даже краем глаза заглянуть в окна, чтобы не
вызвать ещё больший гнев. По слухам, только лейтенант Фи-
липп Грей не боялся наносить Марте визиты, но пользоваться
этой привилегией предпочитал не слишком часто – какое
в конце концов дело может заставить начальника полиции
целого города бросить свои дела и отправиться на окраину,
чтобы повидать старуху, которая, по слухам, не приходилась
ему даже дальней родственницей.

Впрочем, Гарри готов был простить бабушке Марте и ее вспыльчивость, и капризный нрав, и проскакивающее в голосе высокомерие – он готов был простить ей все, потому что только ей одной он осмеливался признаваться в своих мечтах. Только ей рассказал о планах от начала и до конца, и только она одна выслушала его сбивчивую, горячечную речь без намека на насмешку и осуждение.

Вместо этого она погладила Гарри по голове, потрепав нечёсанные третий день кудри.

– Малыш, ты ведь знаешь, что хочет от тебя твой отец, – проскрипела она, и в ее голосе мальчик уловил намек на свою судьбу.

Он решил не обижаться на «малыша», хотя три дня назад ему уже исполнилось восемь, и Гарри полагал себя достаточно взрослым.

– Отец говорил матери, что с будущего года будет брать меня на посевную.

– Вот-вот, – вздохнула Марта. – Чтобы улететь отсюда, недостаточно управлять комбайном. И знание сроков сбора урожая не помогут вырваться из этого «болота».

Гарри смутно представлял, почему бабушка Марта использовала слово «болото», но ему в голову запало другое: «не помогут» – вот что резануло слух.

– А что поможет? – он ведь был уже достаточно взрослым, чтобы задавать правильные вопросы.

– Тебе, малыш, нужно учиться, – вздохнула она, ещё раз

потрепав по волосам.

– Но я хожу в школу, – возразил Гарри. – Мистер Селлинжер говорит, что у меня очень хорошо выходит складывать и вычитать.

Бабушка Марта неожиданно поморщилась и со злостью в голосе проговорила:

– Поменьше его слушай! Этот ваш мистер Селлинжер такой же неотёсанный фермер, как и твой отец. Думаешь, ему хочется, чтобы вы хорошо «складывали и вычитали»? Вздор! Да у него на лице написано, что ему нужно вырастить из вас как можно больше проклятых фермеров!

Гарри поразился, с какой ненавистью пожилая женщина говорила об их учителе. С ее слов выходило, что все его мечты о том, как он, закончив школу, сдаст экзамены в какой-нибудь престижный университет, не стоят выеденного яйца. Он, как и его брат, Рой, рано или поздно сядет за баранку комбайна. Его ждут будни, наполненные тяжелым физическим трудом от зари и до зари. Разговоры об урожае перед сном и пьяные песни в конце недели, когда весь их городок собирался на танцы в клубе.

Он так ясно представил себя за столом в полутемном заведении Джо по прозвищу «Лейка», так отчётливо нарисовал в мыслях картину веселья, что даже своим детским умом осознал, что никаких звезд ему уже будет не нужно. Не даром Рой теперь терпеть не может бабушку Марту, как и все взрослые, называя ее «выжившей из ума старухой». Впро-

чем, «старуха» не оставалась в долгу, и Гарри частенько слышал от женщины не менее яркие эпитеты в отношении мужчин их городка.

Как уже говорилось, Гарри оказался сообразительным не по годам, да и слова Марты слишком сильно запали в душу. После того разговора он довольно быстро сообразил, что школьной программы в его городе недостаточно не только, чтобы претендовать на поступление в какой-нибудь престижный вуз в Империи, но не хватит даже на колледж в столице их планеты. Бабушка Марта ни на йоту не преувеличила: мистер Селлинжер на протяжении трех лет учил их одному и тому же. Если бы мальчик не занялся самообразованием, из него не получился бы даже двоечник самого захудалого колледжа на планете.

К счастью, в его жизни появилась неожиданная поддержка в лице пожилой женщины, до которой большинству горожан не было дела, а все соседи считали помешанной. Гарри же получил не только единомышленника, но и опору в виде горячего желания женщины помочь ему в его стремлении добиться в жизни чего-то большего, чем грамота лучшему комбайнеру.

Только ему одному она разрешила войти. Гарри был до того изумлен, что некоторое время топтался на крыльце и не мог заставить себя преступить порог. Он отчаянно потел от волнения, сминая в руках старую, дырявую шапку, пока женщина не прикрикнула на него. Ей пришлось ещё дважды

назвать его по имени, прежде чем он поверил, что происходящее не сон. Когда же он увидел, что за столом на кухне исходит паром яблочный пирог с корицей, дух которого витал ещё на ступенях, мальчик пришёл в такой восторг, что у него спёрло дыхание и вовсе пропал дар речи.

В доме Марты, с виду не представлявшем ничего особенного – так выглядят половина развалюх у них в городе, – неожиданно обнаружился большой кабинет с вполне себе современным компьютерным блоком. Такого огромного монитора Гарри не видел никогда в своей жизни – он оказался даже больше, чем телевизор в гостиной у них дома. Но ещё большее изумление у мальчика вызвал тот факт, что компьютер имел выход не только в планетарную сеть, что худо-бедно могли позволить себе некоторые из семей, но и работал в информационной сети Империи. И как работал! С тех пор мир вокруг для Гарри практически перестал существовать – он растворился в вакууме, открыв перед мальчиком такие просторы, что вся его суть рванулась в поисках знаний.

К двенадцати годам Гарри выучил на зубок программу начальной и средней школ, используя только бесплатные ресурсы сети. К четырнадцати – легко смог бы сдать выпускные экзамены любого из девяти колледжей на планете. В лице бабушки Марты он нашёл не только поддержку, но и человека, обладающего обширными познаниями в таких областях, о которых даже директор Кин, почётный гражданин города и видный политический деятель, ничего не смыслил. Впро-

чем, она и не думала его учить в обычном понимании этого слова, она показывала ему дорогу, на которой жажда знаний мальчика сметала любое препятствие.

С точки зрения родителей дела обстояли не так радужно, сын рос совершенно отбившимся от рук: во-первых, никакой помощи не дождёшься – вечно пропадает на улице, во-вторых, он практически забросил школу – учителя жаловались наперебой, а директор даже пригрозил исключить его за неуспеваемость. Попытки поговорить с мальчиком ничего не дали, он всякий раз находил отговорки, чтобы улизнуть из дома, когда же отец не вытерпел и провел «разговор» по всем правилам воспитания, как он сказал: «По-дедовски», – Гарри молча вытерпел экзекуцию, а потом пропал на неделю.

Мальчик переживал, конечно, как всякий подросток, которого не понимают или не хотят понять, но его вела за собой цель, а все остальное казалось несущественным, неважным. Гарри рвался к знаниям, он глотал их, как человек, который целую вечность брел по пустыне, и вот неожиданно для самого себя вышел к колодцу. Мальчик пил знания и не мог насытиться, открывая все новые и новые горизонты.

А потом Марта умерла. Это случилось за полгода до того, как нужно было подавать заявку на получение гранта Имперского университета. Она ушла незаметно. Гарри даже не сразу обратил внимание на то, что в последние несколько часов, проведенных за компьютерным блоком, его никто не отвлекал просьбами принести чай или «поправить подушку,

потому что ей трудно дышать». Только сняв наушники, когда заныла затекшая голова, Гарри понял, как тихо в доме. И сразу почувствовал, что случилось что-то непоправимое.

Он бросился в спальню и обнаружил то, к чему детей в его возрасте обычно не подготавливают.

– Гарри, для меня это удивительно, но мистер Флетчер объявил, что миссис Брин в завещании назвала именно тебя наследником ее имущества, – Филлип Грей покачал головой. – Кто бы мог подумать. А ведь у нее были сын, внуки.

Гарри сидел напротив лейтенанта и практически не слышал его. Ему казалось, что он попал в какой-то кошмар, который никогда не кончится. И ещё ему очень хотелось побыстрее уйти из полицейского участка и вернуться в дом Марты. Когда он окажется там, все должно стать по-прежнему, как раньше. А сейчас ему приходилось слушать взрослого, который говорил о вещах непонятных и, главное, неприятных.

Лейтенант Грей покачал головой: вообще-то не его работа сообщать наследникам о завещании, но Флетчер укатил за город и не торопился с возвращением, а закон требовал огласить завещание в трёхдневный срок. К тому же родственники старухи вряд ли оспорят бумагу – кому нужна конура на краю вселенной? Непонятно, что с ней будет делать этот шестнадцатилетний парень, но в конце концов это вообще не его дело. Свои обязанности он исполнил, да и не свои – тоже.

Так Гарри обрел новый дом и попрощался со старым. Отец, поначалу уговаривавший его продать столь неожиданно свалившееся на него имущество, в конце концов плюнул и выставил юношу из дому со словами: «Ты теперь взрослый, живи, как знаешь». Мать поплакала, но не посмела перечить. Так что Гарри уже спустя неделю познал все «прелести» взрослой жизни. Впрочем, ко всему он отнёсся по-философски, замкнувшись, и с ещё большим ожесточением засел за учебу.

Денег в наследство ему не досталось, зато абонемент на межпланетную связь действовал ещё почти девять месяцев – хватит, чтобы и подать заявку, и сдать экзамены на получение гранта.

Оставшиеся шесть месяцев Гарри практически не выходил из дома, с головой зарывшись в подготовку к экзамену. Мать тайком носила ему продукты, но он почти не замечал ее прихода, работая, как одержимый.

Имперский университет считался самым привилегированным высшим учебным заведением Галактики. Обычному человеку, не имеющему ни денег, ни связей нечего было и думать, чтобы пытаться поступать даже на самые непрестижные его факультеты, но отдавая дань традиции, раз в десять лет, ректор университета открывал набор в группу для «умников». И вот тут для Гарри открывался шанс.

Здесь не требовались ни связи, ни титулы, ни деньги. Кри-

терием поступления являлась сдача экзамена. Впрочем, конечно, не совсем обыкновенного вступительного, а гораздо более трудного, с конкурсными задачами высшей категории сложности. При этом оценок не существовало – к получению гранта допускались лишь те, кто выполнил задание на сто баллов из ста. При этом и задания, и их проверка осуществлялась строго в здании университета, а проверяющие обладали такой степенью беспристрастности, что ни о каких подтасовках не шло и речи.

Вся Галактика знала, что Империя – это прежде всего традиции. Их соблюдали неукоснительно. Университет же был оплотом этих традиций. На каждое мероприятие иногда приходился не один десяток условий, за соблюдением которых следили подчас лучше, чем за исполнением законов. Одним из таких и была возможность поступления на основе общего конкурса. А одним из условий получения гранта – личное присутствие на вручении.

Это и был его пропуск в мир, о котором он грезил с детства. Ровно шестьдесят пять мест – по одному на планету сектора. Одно место всегда доставалось их миру, от которого никто за двести лет так и не прошел испытание. Гарри собирался вписать в историю свое имя, как первый человек, нарушивший это правило.

В день экзамена Гарри почти не спал, повторяя и повторяя про себя горы материала. Ему казалось, что он все ещё недо-

статочно подготовлен, что следует прочитать ещё несколько параграфов, ещё подробнее развернуть тему. Но время поджимало, и ему пришлось выключить терминал, потому что опоздать на экзамен – гораздо хуже, чем недостаточно полно раскрыть вопрос.

Сам экзамен проводился в столице планеты, и до нее было часа три лета на шаттле, деньги на который пришлось скрипя сердцем занять у отца. Гарри не смотрел ему в глаза, но тот безропотно достал из копилки полугодовую заначку и отдал сыну. Буркнув что-то неразборчивое, Гарри ушел, а отец с матерью долго смотрели ему во след. Он пообещал себе, что заберет их из «болота» как только получит диплом и устроится на работу.

Как именно все прошло, Гарри не помнил. В памяти осталось только изображение огромного зала с колоннами, бесконечно длинной очереди желающих попытать счастье и красивой девушки, которая проводила его до выхода, когда время испытания закончилось. Он даже не знал, ответили ли на вопросы или сдал тест незаполненным. В душе было пусто. Гарри бесцельно бродил по улицам, наталкиваясь на прохожих, и не разбирая дороги. Результаты должны были объявить через семь часов, но ему уже сейчас становилось понятно – деревенскому пареньку никогда не пройти этот тест.

Перед глазами снова и снова вставала нескончаемая вереница столов. Тысячи и тысячи претендентов. Бедно одетые

молодые люди, девушки в дорогих костюмах, парни в джинсах и футболках навыпуск, мужчины во фраках и балахонах – все они пришли за тем же, за чем и он. Столько народу Гарри сроду не видел, и ему стало вдруг совсем неудобно. А после экзамена нахлынули и вовсе тяжелые мысли.

На что он вообще рассчитывал? Как мог вообразить, что окажется одним из тысяч, а может, и десятков тысяч претендентов на приз? Смешно. Только сейчас ему пришло в голову, как выглядел в глазах друзей и знакомых. Только сейчас вспомнил, как мать подолгу стояла под окнами и ждала, когда он соизволит вспомнить про остывший ужин, оставленный на столе вопреки воле отца.

Он поежился и растерянно огляделся – никому в чужом городе не было до него дела. Так может и вправду, именно Марта была неправа, и его судьба – здесь, на этой планете? С отцом, матерью и столь ненавистными ему комбайнами. И все, о чем он мечтал, – это блажь сопливого паренька. На мгновение нахлынула слабость, и Гарри покачнулся. Насколько же самонадеянным он казался себе сейчас!

Его взгляд без всякого выражения скользнул по витринам магазинов на главной улице столицы, прошелся по лицам прохожих и остановился на синем кусочке неба, проглядывающем между мигающими рекламой высотками. Неба, которым он грезил с детства. Неба, которое однажды подарила ему Марта, рассказав, что даже в их медвежьем углу есть надежда для таких, как он, одиночек.

Бросить все?! Остановиться в двух шагах от мечты?!

Ноги сами понесли его назад, да так быстро, что он едва успевал уворачиваться от попадавшихся навстречу прохожих. Когда избежать столкновения не удавалось, Гарри замирал на секунду, бормотал слова извинения и мчался сломя голову дальше. Едва ли ради него станут изменять правила. Даже минутной задержки хватало, чтобы соискатель лишился всякой надежды получить грант. Часы ожидания, еще мгновение назад тянувшиеся бесконечно, теперь, когда до окончания регистрации оставалось едва ли больше двадцати минут, понеслись галопом. Гарри стремглав проскочил парк, где он бродил целый час, на красный перебежал дорогу и очутился на аллее, которая напрямик вела к университетскому «Гала-Центру». У него оставалось не более десяти минут, когда впереди показалось здание, в котором проводились все помпезные мероприятия на планете.

Еще пять минут ему потребовалось, чтобы проскочить все кордоны, по традиции выставляемые университетским начальством. Стоило ему показать свою идентификационную карточку, как двери волшебным образом открывались перед ним нараспашку. Один из охранников даже хлопнул его по плечу, бросив во след:

– Сегодня твой день, парень!

От этой фразы у Гарри едва не подкосились ноги, но он успел ухватиться за перила и упрямо пополз по лестнице в зал Конгрессов. Три минуты.

Сердце бешено билось в груди, ему иногда казалось, что он тащит за собой бетонную плиту. В зал Гарри влетел за минуту до окончания отпущенного времени.

– Я успел! – заорал он, едва не падая на колени.

Перед глазами все поплыло: на экране, вознесенном над сценой, огромными буквами было выведено его ИМЯ! Глаза предательски заслезились, у него закружилась голова, но он все-таки нашел в себе силы и устремился к сцене.

– Я успел, господин ректор! Я успел!

На площадке возникло некоторое замешательство, и только тут Гарри заметил рядом с пожилым, располневшим мужчиной стройную фигурку девушки. Короткая прическа придавала ей мальчишеский вид, но в остальном ее сложно было перепутать с парнем. Она смотрела на него огромными глазами, не мигая, не отрываясь. В ее взгляде легко угадывались нотки изумления, граничащего со страхом, и отчаянной решимости идти до конца. Гарри уже приходилось видеть такой взгляд. В зеркале. Каждый раз, когда он по утрам садился за компьютерный терминал.

Гарри остановился в двух шагах от трибуны, будто уперевшись лбом в бетонную стену, и уставился на экран: рядом с его именем горело еще одно: Ванесса Брик. Он с недоверием и растерянностью переводил взгляд с имени на девушку и обратно: их двое!

Претендентов на победу двое! Билет в небо только один...

– Джо, тебе не кажется, что правила пишутся, чтобы их неукоснительно соблюдать? – человек лет шестидесяти в строгом костюме, классический причёске с пробором и аккуратно выведенной бородкой сидел за столом в своем кабинете и требовательно смотрел на собеседника.

Тот, кого называли «Джо», выглядел полной его противоположностью. Потрёпанные, протертые джинсы, мятая футболка, тонкая цепочка на шее – вот и весь официальный мундир сидящего в кресле напротив, но было видно, что, несмотря ни на что оба держатся совершенно на равных, с уважением относятся к привычкам друг друга, и этот спор у них далеко не первый.

– Макс, да ладно тебе, – Джо улыбнулся, отчего его лицо на миг стало точь-в-точь лицом франта с обложки журнала для мультимиллиардеров. – Ты в каком веке застрял? Правила существуют, чтобы их нарушать!

Максимилиан, вот уже десять лет как бессменный ректор Университета Империи, недовольно поморщился. Он терпеть не мог, когда его называли «Максом».

– Тем не менее. Ты понимаешь, во что превратится Университет, если станет известно, как здесь относятся к традициям?

Джо поднялся и пару раз махнул руками, разминая плечи.

– Скажут: «Они идут в ногу со временем!»

Максимилиан скрипнул зубами.

– Многие старые семьи отдадут отпрысков в наше заведе-

ние только потому, что мы до сих пор чтим старые традиции! Мы гордимся тем, что не берем взятки! Любой преподаватель в курсе, что за малейшее нарушение Кодекса последует жесткое наказание...

– Ты мне-то лекции не читай, – усмехнулся Джо, перебив разошедшегося собеседника. – Что ты заладил? Никуда твои традиции не денутся. И отпрыски, кстати, тоже. Университет поддерживает император, и все эти твои лорды как несли свои денежки в твой карман, так и будут это делать впредь.

Максимилиан вскинулся, зацепившись за слова собеседника:

– Подумай, что скажет сам император?

Джо весело кивнул, явно отметив, что про «карман» Максимилиан не сказал ни слова

– А что он скажет? – удивился в свою очередь он. – Наверняка обрадуется, что хоть кто-то в его вотчине думает головой.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Максимилиан.

– Ну, ты сам-то подумай, – хмыкнул Джо.

Они некоторое время играли в молчанку, а потом Джо рассмеялся.

– Макс, Макс, заостенел ты тут у себя наверху. Надо иногда снисходить со своего пьедестала, – Джо снова опустился в кресло и сделал глоток из бокала. – Как ты думаешь, что сделают власти той аграрной планеты после того, как ты возьмешь только одного кандидата?

– Ничего, – непонимающе сказал тот. – А что они могут сделать?

– Вот тут-то ты и не прав! – хлопнул себя по колену Джо. – Сколько лет никто из них не выигрывал конкурс?

– Нисколько. Они ни разу не выходили даже в финал.

– Вот! – воскликнул Джо, подняв вверх указательный палец. – Вот, Макс! Ни разу! А тут сразу двое!

– Не понимаю тебя, – признался Максимилиан.

– Плохо! Ты сидишь не на табуретке, а на самом престижном кресле империи, – Джо поднял взгляд на портрет императора над головой ректора. – Ладно, пусть не на самом, но близко. Должен глубже прочих заглядывать в проблему.

– А у нас проблема? – поинтересовался Максимилиан с легким недоумением.

– Будет, если ты примешь неправильное решение, – отрубил Джо. – Представь себя на месте властей этой планетки. Что ты сделаешь, когда, заметь, в ПЕРВЫЙ раз за всю историю сразу двое твоих кандидатов прошли по конкурсу, и тебе приходится выбирать, кому идти дальше. Да, они прекрасно осведомлены, что место ОДНО. Но, представь, что бы почувствовал бы, если бы одного из двух твоих самых перспективных студентов не взяли бы на то место, которое они мало того, что заслуживают, так еще и доказали это в честной борьбе?

Максимилиан мрачно посмотрел на Джо.

– Ты вообще представляешь, что должны были испытать

эти ребята, какой мотивацией обладать, чтобы пойти наперекор всему: родителям, устоям, общественному мнению, ТРАДИЦИЯМ, – подчеркиваю, всему, чтобы попасть сюда?!

– Я обижусь, – глухо проговорил Максимилиан. – Ты это хотел услышать?

– Ну, наконец-то, Макс! – Джо радостно хлопнул по коленям. – Ты хотел знать, что скажет Николай XXII по поводу лёгкого отступления от правил Университетом Его Императорского Величества? Да он расцелует тебя при встрече! Одним росчерком пера ты сделал то, на что канцелярия тратит миллиарды кредитов, – заставил целую планету перевозить мудрость императора, ибо только мудрый правитель опирается на верных, преданных и, главное, справедливых людей!

Джо кивнул на бумагу, лежавшую все это время перед Максимилианом.

– Давай-давай, подписывай уже. Ты же не всегда был таким чопорным и скучным типом. В конце концов в твоей власти решить судьбу двух молодых людей. Кто знает, как у них все обернется? – он усмехнулся. – Ну, а если Николай и поворчит чуть-чуть, то ничего страшного, переживешь, просто держи в уме, что ты сделал для этих ребят, и тебе точно станет легче.